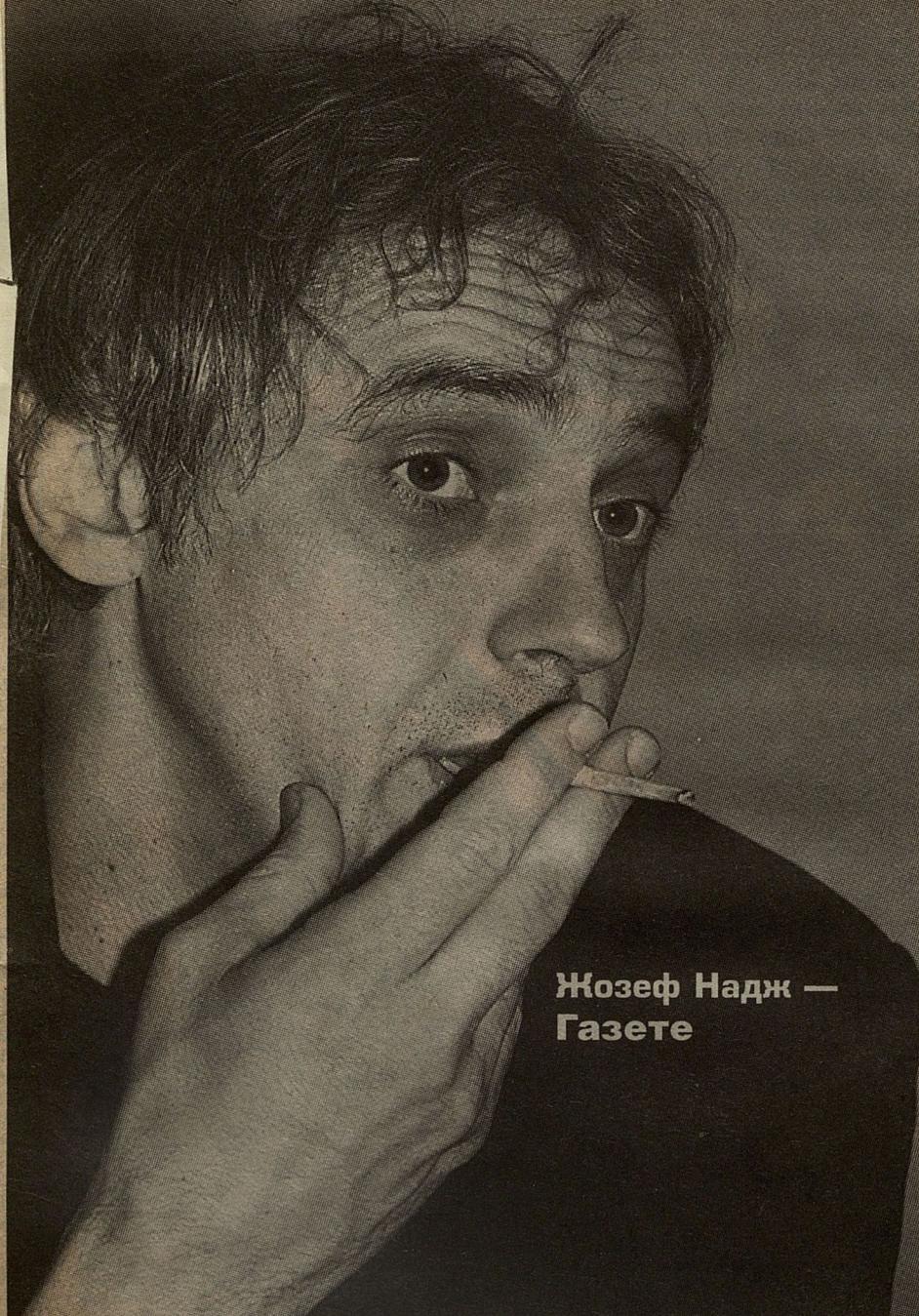

Надзе Жозеф

19.11.02

ВИЗИТ

Газета - 2002 - 19 Мая - 015

Жозеф Надж — Газете

Деньги для Наджа — не проблема. Если понадобится, он может сделать спектакль из веревок, палок и картонных коробок Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

“отдыхаю только во сне”

Известный французский хореограф, художник и режиссер **Жозеф Надж** открывает сегодня в Москве гастроль Хореографического центра Орлеана, который он возглавляет. Сам он выступит в спектакле «Время отступления», а в конце недели представит один из самых знаменитых своих проектов — «Войцек» по Бюхнеру. С **Жозефом Наджем** встретилась корреспондент Газеты **Ольга Гердт**.

Перед вашим приездом в Музей кино показали танец-фильм «Смерть императора», снятый еще в 1990 году. Вам нравится этот фильм?

Смутно его помню: видел один раз — после того, как мы его сделали. Я не очень люблю смотреть на видео то, что поставил для сцены. Но мы будем продолжать такую работу, чтобы сохранять спектакли как документ.

Бывает, что вы себе говорите: все, этот спектакль умер, не будем его играть?

Нет, такого, чтобы я в один прекрасный день вдруг проснулся и понял: надо снять, — не было. Самому старому спектаклю, который мы продолжаем играть, двенадцать лет. Только с одним или двумя так случилось. «Смерть императора» мы сняли по той причине, что были связаны с Будапештским оркестром, который нам аккомпанировал. Иногда случалось, что продюсер вдруг находил, что слишком дорого играть спектакль дальше, — для меня это совсем не основание. Недавно я поставил супердорогой спектакль «Философы» — всего сто двадцать человек могут находиться в зале, что, конечно, просто катастрофа для тех, кто вкладывал деньги в постановку. Но тем самым я как раз хотел подчеркнуть, что культурный продукт не должен быть товаром, чем-то, что может приносить доходы. Структуры должны идти на такую жертву. И для того, чтобы спектакль существовал, и для зрителя тоже.

Вы не стеснены в средствах? Можете делать спектакли, которые не окупаются? Наш хореографический центр — как раз та структура, которая позволяет делать нерентабельные спектакли. Мы, к счастью, не в той системе, где вопрос стоит именно так. До сегодняшнего дня я мог делать то,

что хотел, — с большим числом исполнителей, достаточно серьезной сценографией, мог долго работать с композиторами, музыкантами. Бывают трудные моменты, но я адаптируюсь, как-то приспособляюсь — выбираю какую-нибудь малую форму. Декорации «Войцек», например, мы вообще делали из предметов, которые или сами находили, или покупали на рынке. Спектакль зависит от воли, а не от средств.

В творчестве понятие компромисса для вас существует?

Нет. Это единственное, в чем нет.

Ну, к примеру, во Франции вас называют хореографом. Это у нас драматические и танцевальные критики спорят, кому из них о вас писать...

(Смеется)... да, в зависимости от стран такое случается, но, знаете, во Франции обо мне пишут, конечно, танцевальные критики.

Так вот, если вы, являясь главой Хореографического центра, вдруг возьмете и поставите не танцевальный, а драматический спектакль. Что тогда? У вас отнимут центр?

Может, такое и могло бы случиться в будущем — я не знаю. Но в данный момент ничего такого не происходит.

Вы привезли в Москву танцевальный дуэт. Можно сказать, что вы уходите от больших спектаклей, в которых смешивали цирк, танец, драму, к чистой танцевальной форме?

Отнюдь, в маленьких формах тоже есть какое-то смешение, мой поиск и здесь остается тем же, что раньше. Эта идея не меняется.

Вы ставили спектакли по произведениям Кафки, Бюхнера, Бруно Шульца. Следующий ваш спектакль, насколько я знаю, будет сольным и автобиографическим...

Его название — «Дневник» — может, конечно, сбить с толку. Я-то считаю, что все свои спектакли ставлю не по литературным произведениям, а на основе собственного дневника, в котором делаю рабочие записи, наблюдения, заметки. В этом дневнике я не описываю свою повседневную жизнь изо дня в день. Это записи, которые направлены или к спектаклю, или к моей очередной выставке. Новый спектакль «Дневник» в том плане, что в нем есть мои воспомина-

ния — о друзьях, о тех, кто жил в моем родном городе — местечке Канеж в Югославии, где живут этнические венгры. Среди тех, о ком я вспоминаю, — два моих исчезнувших друга: художник и скульптор. Оба они ушли из жизни, и оба по собственной воле. Я хочу рассказать о судьбе произведения, которое не смогло реализоваться до конца, о творчестве, которое было приостановлено, разбито. Сказать о людях, которые находят в себе силы уйти из жизни. Но не надо думать, что это будет очень мрачно — спектакль пропитан юмором, потому что и в моих друзьях было много иронии и много мужества.

Вы уже лет двадцать живете во Франции. Чувствуете себя венгром или уже французом?

Я остаюсь тем, что я есть. Франция помогла мне открыться миру, обогатить знания, мы много ездим, путешествия помогают увидеть свою работу в прочтении других культур. И это укрепляет меня в мысли, что возможно вывести свою работу из местного контекста в контекст универсальный.

Вы отдыхаете когда-нибудь?

Когда сплю.

И только? А чтобы целый месяц, где-нибудь в деревне, с удочкой...

Нет. Ну, может быть, несколько дней, когда приезжаю к себе на родину. Но все равно: я или фотографирую, или пишу, или рисую...

Ваш родной Канеж сильно изменился за те двадцать лет, что вы во Франции? К счастью, не очень. Не так, как большие города. Все такой же патриархальный.

Год назад вы получали «Золотую маску» за лучший зарубежный спектакль, показанный в Москве: за «Полуночник» по произведениям Кафки. И сильно нас удивили, потому что с большим юмором приняли эту премию — приехали в смокинге и сказали со сцены, что взяли его напрокат для репетиции будущего спектакля. Вы к премиям относитесь как к курьезу или они что-то значат для вас? Я работаю не для того, чтобы получать премии. Но мне приятно, потому что это факт признания — даже в профессиональной среде это имеет значение.